

тельные: он просит выдела своей части в наследстве и, вместе с тем, свободы итти в чужие страны, чгобы прославить себя и своего отца и «сбогатиться умом». И в дальнейшей своей судьбе, в самом несчастии своем, герой Полоцкого падает не по роковому стечению случайностей, но в силу собственного увлечения. Наконец, когда настает час искупления, герои обеих повестей обретают себе единственный исход в «спасенном пути» монастырского жития, между тем как Блудный возвращается под родительский кров и здесь как бы возрождается для новой, честной жизни среди близких. Таким образом, представитель молодого поколения изображен у Полоцкого чертами более привлекательными, чем герои повестей. Точно так же и образ отца обозначен у него более симпатичными, более мягкими красками: в обеих повестях характер родителя запечатлен непреклонною строгостью, не знающею никакого снисхождения, никаких уступок; напротив того, у Симеона в отце Блудного мы видим благодушного старца, который хоть и с огорчением, но без гнева соглашается на желание сына странствовать, и позже, когда его опасения оправдались, и сына постигло несчастье, с прежней любовью принимает его в свои объятия. Выставив в таком свете главные характеры пьесы, Симеон очевидно старается изобразить отношения двух поколений в примирительном духе.¹ Этой черты мы не находим ни в повести о Горе-Злочастии, ни в повести о Савве Грудцыне.

Попытка Л. Н. Майкова сопоставить повесть о Савве Грудцыне с произведениями, возникшими приблизительно в одно время с нею, весьма любопытна. Благодаря такому сопоставлению яснее вырисовываются характерные особенности нашей повести. Но эта попытка не встретила поддержки у последующих исследователей «Саввы Грудцына».²

В 1901 г. в одном из заседаний Московского археологического общества, А. С. Мадуев прочел сообщение: «Повесть о Савве Грудцыне и легенды о Феофиле Икономе».³

Как видно из протокола заседания, докладчик сопоставлял данные произведения «в надежде найти между ними родственные черты». Им отме-

¹ Л. Н. Майков. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII ст., СПб., 1889, стр. 131—134. См. также о Грудцыне, стр. 223—224.

² В замечаниях Алексея Веселовского о повести «Савва Грудцын» нет ничего нового. См. Западное влияние в новой русск. лит., изд. 2-е, 1896, стр. 33. См. также о повести: И. Порфирьев, История руск. слов., ч. I, 1897, стр. 714—716; А. Н. Пышин, Ист. русск. лит., т. II, 1898, стр. 545—547 и 561; т. III, 1902, стр. 399—400; В. П. Горленко, Южнорусские очерки и портреты, Киев. 1898, стр. 126—127. Здесь автор ошибочно считает народный украинский, весьма сокращенный пересказ Сказания об Евладии, спасенном Василием Великим, — пересказом повести о Савве Грудцыне. П. Шеффер. Сообщение о лицевом списке повести. См. Памятники древней письменности СXXXIX—СXXXIV, отчеты о заседаниях в 1897—1898, стр. 28

³ Древности. Труды славянской комиссии Моск. археол. общ., т. III, 1902, стр. 47.